

2004. - 23 сент. - с.34-35

ДАЛИ & ГАЛА

КАЖДЫЙ ДОЛЖЕН ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛЮДОВИКОМ XIV!

«Дали обожает фотографов, а вот я ненавижу вашу братию. Но я выбрала вас, чтобы вы сфотографировали меня в замке Пуболь», – сказала Галя Дьяконова фотографу Марку Лакруа. Выставка фотографий, которые французский журналист делал несколько лет, пользуясь своей личной дружбой с семьей гениального Сальвадора Дали, сейчас проходит в Институте Сервантеса на Новинском бульваре.

Фотографии, надо сказать, очень «выстроенные» и подчеркнута художественные. Тут нет ни следа «жизни врасплох» и даже стилизации под остановленное мгновение. Зато, как и в творчестве самого Дали, огромное значение имеет техника: вот отпечатанные в огненно-рыжих тонах, а вот – в сине-зеленых. Сам Дали, относившийся к Лакруа очень благосклонно, однажды сделал ему комплимент в сюрреалистическом духе, сказав: «Как хорошо вам удается передать прусский синий, изумрудный зеленый и этот цвет липы, легкий как пирожное».

Почти нигде нет Дали вместе с Галой. Почему? Это сама по себе замечательная любовная история. Галя сфотографирована Лакруа только в замке Пуболь. Старенький, полуразрушенный замок купил для нее Дали, и она долго отказывалась принимать подарок, а когда согласилась, поставила условие: Дали будет приходиться к ней в замок, только получив письменное приглашение. Представляете лицо мужа, который услышит такое в ответ на предложение подарить жене

замок? Не таков был великий сюрреалист. Его-то слова супруги привели в восторг: теперь он – настоящий палладин Прекрасной Дамы своего сердца! Вот поэтому Галя на фотографиях чаще всего одна: то в изящном будуаре, то на старинной лестнице. Есть и снимок под названием «Ужасные батареи замка Пуболь» – ничего ужасного в этих огромных и несуразных батареях с вентиляем, хорошо знакомых любому, кто бывал на средиземноморском юге зимой, конечно, нет. Просто на фоне стилизованного средневекового великолепия всего остального они в изящном объективе Лакруа и правда выглядят чужеродным и беспардонным вмешательством грубой современной прозы в изысканнейшую поэзию отточенной рыцаря Дали и принцессы Галы...

А вот чего нет на фотографиях, так это реализованных планов Дали. Ведь помимо строго регламентированных встреч, своенравная красавица поставила ему ряд иных, чисто художественных условий, которые Дали, перестраивающий старые разва-

лины по ее прихотливому вкусу, тоже с воодушевлением принял... Вот они, эти условия: «потолок на высоте 15 метров, представляющий собой средиземноморское небо с дырой в ночь, откуда сыпятся сюрреалистические сокровища; стулья, которые не касаются земли; труба, висящая прямо в воздухе и извергающая потоки воды». Поистине, у этой пары все было как в старой, старой сказке о благородном влюбленном художнике и капризной лукавой королевне!

Но мастерство фотографа раскрывается все-таки больше там, где Дали. Экспансивный человек с закрученными усами и характерным удлинненным лицом почти всегда в центре композиции: Дали в самодельной короне, Дали с расцветшим ухом (по аналогии с Ван Гогом – только у Дали вместо уха не кровавое месиво, а чудесный куст белых гардений), голый Дали в бассейне в момент познания истины... В «Алхимическом цикле» – религиозные причуды великого сюрреалиста: однажды возле его дома убирали мусор, и он попросил свалить все отходы производства ему в сад,

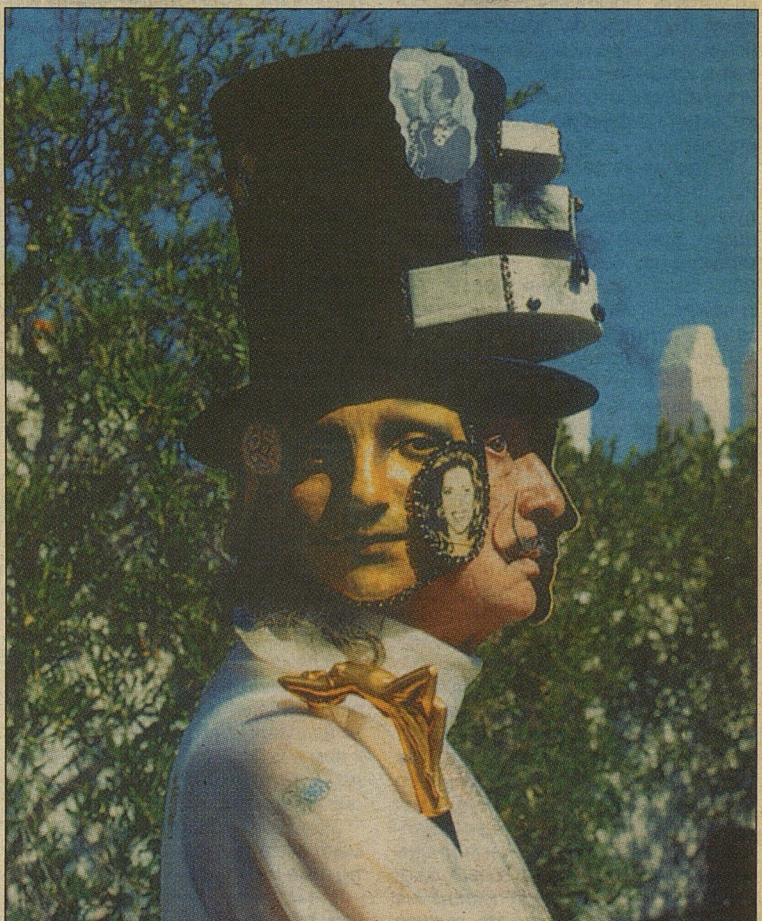
В роли Людовика, Короля-Солнца

Галя у зеркала. Один из немногих черно-белых снимков

Галя в своем замке. Эта дверь не настоящая, а нарисованная

Многоликий Сальвадор

Дали. Сальвадор

141

сам взявшись командовать рабочими: в итоге получилась гигантская статуя лежащего Христа Древовидного, составленная из старых колес, древесины, фанеры и прочего урбанистического барахла, а у подножия – сам автор импровизированной инсталляции, и все это запечатлела камера Марка Лакруа.

Но даже если самого Дали на снимке нет – изображение все равно интересно, и тут уже дает о себе знать виртуозное владение фототехникой. Марк Лакруа, кажется, умеет все: «Дворик ночью» поражает призрачным, но уютным освещением, «Фаллический бассейн», снятый, наоборот, в ярком солнечном свете, мог бы украсить любой модный журнал. А фотография под названием «Пустое море» выполнена так, что кажется живописью поздних импрессионистов.

Особый интерес выставке придать любопытнейшие цитаты из мемуаров Марка Лакруа о его дружбе с семьей Сальвадора Дали. Они, эти

достаточно большие цитаты, дополняют подписи к снимкам маленькими историями, в которых отражены и причудливый характер «маэстро», и его замкнутый в себе мир, который он так любил и так по-улиточки боялся покинуть. Есть и его многозначительные реплики о самом себе – правда «из первых рук». Чего стоит одна только история, как Лакруа попросил его сфотографироваться со своей женой – молодой и симпатичной Терезой! «Хорошо, сядьте рядом и сделайте вид, что положили голову мне на плечо, – приказал ей Дали, – но смотрите, не дотрагивайтесь до меня! Есть микробы, которые прыгают на три метра».

Истории, которые рассказывает Марк Лакруа, так живо и впечатляюще отражают быт Сальвадора Дали, что поневоле хочется обратиться к его книге внимание современных издательств. Ведь в России немало фанатов творчества гениального сюрреалиста.

Дмитрий САВОСИН

Мастерская сюрреалиста

Развалины старого замка: подарок гения своей прекрасной даме

Момент познания истины

ИЗ ИСТОРИЙ МАРКА ЛАКРУА О САЛЬВАДОРЕ ДАЛИ

Дворик днем

В центре внутреннего дворика Дали велел соорудить первую кофию двух кофейных чашек диаметром полтора метра, оштукатуренных белой известкой, а в центре каждой посадить по оливковому дереву.

– Тише! Слышите колокольчики? Я велел привязать маленькие серебряные колокольчики, чтобы северный ветер объявлял о своем присутствии, но его уже и след простыл!

Будущий бассейн

В своем доме в Порт-Льигате, между двориком и оливковой рощей, Дали велел построить бассейн на свой вкус. Даже, точнее, бассейн-салон.

– Это вам не мещанский плавательный бассейн! Его уже почти соорудили, в нем двенадцать метров в длину и всего два – в ширину. Мы скоро нальем в него морской воды, и что самое возвышенное в этом бассейне – это его глубина – всего метр сорок.

А дно его я покрою живыми морскими ежами, что полностью лишит «купальщика» возможности встать на дно. Ему все время придется притворяться мертвым, потому что на ноги он встать не сможет. Вот чудесный микрокосмос! На одном конце бассейна будет круглый прудик, даже два – один поменьше, чем другой. Если смотреть из вертолета, то можно будет увидеть, что это – единственный в мире гигантский фаллический бассейн!

Кстати, знаете, где мы сейчас стоим? (пинает ногой цементное дно). Мы сейчас в левом яйце.

Миконос

Гала рассказывает. Друзья пригласили нас в круиз по Средиземному морю, и я сказала Дали: это будет прелестное путешествие, ты будешь в восторге, мы поедем в Грецию на корабле – из тех, что тебе нравятся, я-то уж знаю. Мы увидим

Стамбул, Родас, Гераклион, Санторин, Миконос. На пакетботе будет выступать оркестр, мы все дни станем играть в шахматы...

Я повторяла свое приглашение несколько раз, и он рассердился: «Нет! Никогда! Хочу остаться здесь, к тому же я ненавижу круизы. Я остаюсь в Порт-Льигате, не люблю туристическое море». Но я, после долгих препираний, уговорила его поехать в это путешествие:

– Хорошо, радость моя, но с одним условием: я не выйду из каюты и не сойду с корабля ни на одной из остановок.

В Миконосе я спустилась к нему в каюту и сказала:

– Дали, пойдём. Даже представить себе не можешь, какая там красота. Все такое белое, погода стоит такая, что я в жизни не видела. Эти маленькие домики с голубыми окнами, тебе надо их видеть. Всюду мельницы, море волшебное. Поднимись, ты должен на это глянуть.

– Нет, дорогая, я не хочу... Ни за что. Не хочу его видеть.

– Но Дали, почему? Почему ты такой упрямый? Если не хочешь подниматься, посмотри хотя бы в иллюминатор, там такое чудо. Ну скажи. Почему ты отказываешься?

А вдруг там красивей, чем в Кадакесе!

Мы едем в Версаль

Дали: «Сеньор Лакруа, мне бы хотелось, чтобы вы поехали со мной завтра в Версаль. Мы выезжаем завтра в пятнадцать часов. Мне нужно представить вас кое-кому очень важному. Приходите с женой».

В Версале он твердым шагом направляется вместе с нами к памятнику Людовику XIV на коне.

– Я представляю вам Людовика XIV. Я всегда навещаю его здесь, у него дома. Он для меня образец совершенства. Человеку, чтобы он был в мире с собой, чтобы его жизнь и творчество чудесным образом реали-

зовывались, нужно каждый день, хотя бы на миг, почувствовать себя «слегка» Людовиком XIV и преисполниться его блеском. А теперь, с моего разрешения, сделаем-ка мой портрет рядом с ним».

Через несколько месяцев я превратил эти черно-белые портреты в цветные «метаморфозы». Когда я показал их Дали, он сказал:

– Ах! Это мы с Людовиком XIV в Версале: как всегда, я предпочитаю ту, что в розовом цвете. Спасибо вам, благодаря этой метаморфозе я буду знать, каким я стану после смерти... Я спокоен, потому что вижу, что буду по-прежнему красив!»

Элвис Пресли

Дали: «Когда Элвис Пресли пришел ко мне в мастерскую знакомиться, он сразу заметил, что я в восторге от его рубашки в стиле кантри, и уже на пороге он сказал:

– Вам нравится моя рубашка?

– Да! Очень.

Тогда он молча ее расстегнул, снял и ушел полуголый. А я с тех пор всегда в ней, когда рисую».

Орёл и младенец

Нашей дочери Клементине три месяца. Дали ее видит в первый раз.

Дали: «Давайте сфотографируем меня с вашей дочерью. (К детям он особой любви не питает, но старается быть вежливым). Надо купить сеточки для дыни. Вместо дыни я положу туда вашу дочь, которую я отдам королевскому орлу – самому большому во всей Испании. Он известен тем, что уносит добычу в когтях подальше, чтобы спокойно ее проглотить. Давайте повесим ее в сеточке и предложим орлу!»

Когда для фотографии все будет готово, я уроню сеточку, девочка будет раздавлена, а я покормлю вашей дочкой орла! Будет чу-дес-нь-ко! Таким образом я сублимирую свой образ негодяя!»